

СССР», «Голубой ковер» — сказка о Сталинской конституции — и образец нового, военного эпоса — сказка «Хандур» (чудовище, страшилище), записанная в 1943 г. — в Сталинабаде и повествующая о взбесившемся чудовище, напавшем на лучший из садов мира, возвращенный Великим Садовником. Хандур получает в этом саду «удары вместо плодов», а вместо людей — «пожирает пламя».

Составитель сборника «Таджикские сказки» сделал большую и нужную работу, собрав разбросанные по разным печатным изданиям и рукописным собраниям народные сказки и подарив, таким образом, занимательную книгу массовому читателю. Его заслуга была бы значительнее, если бы он обратил большее внимание на качество перевода сказок. Если в ряде случаев нельзя было заново хорошо перевести сказки, взятые из печатных изданий или известные в очень давней записи, то, по крайней мере, следовало бы внимательной редакторской правкой освободить издание от таких стилистических недочетов, как, например, в сказке «Ой-Ахмат»: «собирается делать домик» или «я имею две комнаты», «послал узнать причины неяви любимого человека». Между тем сказка «Ой-Ахмат» записана от лучшего, по свидетельству составителя, сказочника Таджикистана — Бобоюнуса Худойодзада и единственного, кстати сказать, чья биография дана в сборнике. Многие сказки сборника даются в литературной обработке весьма различного характера. Так, обработки Сухаревой или Семёнова, сделанные с большим художественным тактом и чувством стиля национальной сказки, в корне отличаются от обработки, которой несомненно подвергал свои записи Митропольский и которые превращают поэтический текст сказки в тяжеловесный пересказ, уничтожающий совершенно ее речевую интонацию, диалогическое построение, перегружающий сказку оборотами, несвойственными народной речи. Многие тексты обременены излишним количеством непереведенных таджикских слов. Полагаем, что *soûleûr locale* сказки нисколько не пострадала бы, если бы вместо «каландар» было сказано «странствующий дервиш», а описание туалета «каландара» не звучало бы загадкой: «одет он в рубище, к поясу подвешен чилтор, в руках посох, за пазухой саыги-санд, на ногах чамусь». При этом сборник изобилует объяснениями национальных слов текста; они и в примечаниях, помещенных после каждой сказки, и в словаре в конце книги. Однако точность перевода некоторых слов остается сомнительной. Так, слово «айер» объясняется как «ловкий человек, фокусник, осведомитель, нечто вроде шута»; в тексте же сказки старуха-айер воспринимается как злая волшебница, помощница врага героя сказки. Слово «девана» переведено как «юродивый», тогда как в сказке («Хирс-Палван») девона — старик, живущий в лесу, читающий коран и помогающий герою в борьбе с драконом, — скорее отшельник-мудрец, чем юродивый в обычном смысле этого слова.

В сборнике, помимо словаря и примечаний, дающих краткий паспорт сказки, совершенно отсутствует научный аппарат. Соотношение между сюжетами таджикских сказок и сказок западных и восточных народов не выяснено, ибо нет обычных для всякого научного издания ссылок на «Указатель сказочных сюжетов» Аарне — Андреева и на другие печатные сборники восточных сказок. Социальное и творческое лицо таджикского сказочника остается также неизвестным читателю. Сведения о бытовании сказки таджиков в настоящее время, данные во вступительной статье, общи и мало конкретны. Нигде и никак не освещается вопрос о жизни таджикской сказки в дни Великой отечественной войны, несмотря на то, что в сборнике помещена аллегорическая сказка о Гитлере («Хандур»), записанная в 1943 г. Полагаем, что необходимость изучения творческой индивидуальности сказочника, условий бытования сказки в современности и судеб сказки в годы минувшей войны — все это должно быть учтено не только при новом издании таджикских сказок, но и при организации работы по собиранию сказочного богатства Таджикистана.

С. Минц.

«Дунганские сказки», составители Х. Юсуров и В. Шахмапов, Академия Наук Казахской ССР, Институт истории, археологии и этнографии, Алма-Ата, 1946.

Сказки, собранные в рецензируемом сборнике, записаны Х. Юсуровым в Дунганском селе Кара-Кунуз, в Токмаке, Джаркенте и Алма-Ата от стариков-дунган, переселившихся в Семиречье из Северо-западного Китая в 70—80 годах XIX в. Фольклор дунган почти не изучен и мало известен. Не считая нескольких скупых и довольно случайных публикаций в журналах,¹ рецензируемый сборник — первая попытка познакомить советского читателя с фольклором дунган, живущих в Казахстане и Киргизии. Фольклор дунган очень сложен и многообразен. Долгое время после своего переселения в Семиречье дунгане сохраняли ту культуру, которую они принесли с собой из Китая. Большое влияние на их фольклор оказала культура мусульманского Востока. Не могло пройти бесследно общение с киргизами, казахами и узбеками. Наконец, большое влияние на дунган, особенно после Великой Октябрьской революции, оказала и русская культура. Все эти стили причудливо сочетались и переплелись

¹ «Литература и искусство Казахстана», 1941, 4 (четыре сказки, опубликованные Юсуровым и Шахмаповым); «Народное творчество», 1937, 5 (Ошакевич и Беккер, Поэзия дунган); «Литературный Узбекистан», 1940, 1 (Полыванов, «Часовня копченой селедки»).

в фольклоре дунган, являющемся ценным материалом для изучения истории и этнографии этого народа.

Большое место в дунганском фольклоре занимает сказка, оказавшая значительное влияние на изобразительное искусство дунган, в частности на их вышивки. Х. Юсуровым записано пятьдесят пять дунганских сказок, всего их зарегистрировано около ста. В рецензируемом сборнике помещено двадцать пять сказок. Это преимущественно фантастические, вернее мифологические, сказки о джинах и драконах, о людоедах — Е-гуйе, о белом тигре и белой обезьяне, о бессмертных Шань-сянах. Дано в сборнике и несколько бытовых и сатирических сказок, главным образом, нравоучительного характера, одна детская сказка и две авантурные устные повести.

Сказки, записанные Х. Юсуровым, которым сделан и их подстрочный перевод, литературно обработаны В. Шахматовым. Перед составителями стояла сложная задача перевода сказок с шеньсийского диалекта дунганского языка на русский. Переводчики стремились сохранить национальный колорит подлинника, не загружая текст специфическими дунганскими словами и выражениями. К сожалению, в переводе не удалось сохранить самое важное для фольклорного текста — народности языка. Сказки, изложенные канцелярским, казенным слогом, звучат книжно; изложение порой грешит против правил русского языка как, впрочем, и предисловие, в котором говорится о «народном фольклоре» дунган. Встречаются такие языковые погрешности, как «одевая платок», такая тяжеловесная книжная лексика, как «На дереве сидел большой паук, который много лет приобретал себе огненные глаза». Утомительны и излишни постоянные инверсии, к которым прибегают переводчики: «Но вот однажды, когда ночью усталый брел Фу-ди по ущелью... «Когда подошел Фу-ди близко»... «И вот раз услышал Фу-ди у стариков». Прием этот приводит к интонационному однообразию и вместе с тем все же не передает специфику дунганского синтаксиса. Предисловие к сборнику — одно из лучших кратких изложений истории дунган.

Приходится пожалеть, что составители не дали материала, который бы характеризовал бытование собранных ими сказок. Очень интересны сведения о старике-сказочнике Хия Ваухунове — знатоке героического эпоса, сказок и песен. По словам составителей, Ваухунов знает много казахских, киргизских и арабских сказок, но, к сожалению, не сказано, насколько последнее типично для дунганских сказочников. Кроме Ваухунова в предисловии упоминается еще только один сказочник, о творчестве которого не дано никаких сведений. Несмотря на то, что творчеству Ваухунова уделено сравнительно большое внимание, не указано, какие именно сказки из числа приведенных в сборнике записаны от него. Неизвестно, от кого записаны остальные сказки, со сколькими сказочниками имел дело собиратель, что собой представляет их репертуар, какую роль играет сказка в современном быту дунган. Составители отмечают, что Ваухунов пользуется популярностью среди дунганской молодежи, но ничего не говорят о том, перенимает ли последние его сказки, продолжает ли старая сказка, в основном принесенная из Китая, жить среди молодых дунган, родившихся и выросших на территории Казахстана и Киргизии. В сборнике не дано паспортизации материала. Неизвестно, когда, где, от кого записаны отдельные тексты. Территория указана лишь для всего сборника. Глухо сказано, что записи производились «в разное время».

Жаль, что составители не положили начала исследованию дунганской сказки, дав хотя бы краткий комментарий и указав основные параллели к опубликованным ими сказкам. Отдельные замечания, имеющиеся в предисловии, недостаточны и порой голословны. Вряд ли можно согласиться с тем, что дракон — владыка восточных морей — «вполне идентичен морскому царю русских сказок» или что сюжет сказки «Ахун и преступник Ду-фу» «целиком заимствован из арабской сказки. Все эти недочеты снижают значение сборника, самый факт появления которого в печати несомненно является немаловажным событием как в изучении истории, этнографии и искусства дунган, так и в историографии общего сказковедения.

Надо надеяться, что следующий выпуск «Дунганских сказок» не заставит себя долго ждать и будет издан с учетом тех требований, которые современная наука предъявляет к публикациям фольклорных текстов.

Э. Гофман-Померанцева

НАРОДЫ ЕВРОПЫ

«Costumes nationaux», Preface par André Varagnac, conservateur-adjoint du Musée National des Arts et traditions populaires. Dessines par Lepaj-Medvey. Autriche, Hongrie, Pologne-Tcheco-Slovaquie. Paris, 1939, 20 pp. + 40 tables.

Андрэ Вараньяк в своем предисловии пытается объяснить не только художественную ценность тех рисунков, которые выполнены Лепаж-Медвейем, но и их научное значение. Рисунки же эти выполнены схематически — Вараньяк сам называет их «схематическими силуэтами». И на самом деле, рисунки костюмов напоминают кустарные игрушки, ярко раскрашенные всеми цветами, какими только располагал художник. В отношении красочности, нарядности, богатства костюмных форм рисунки Лепаж-Медвейя могут соблазнить любителя народных произведений или, как говорят